

Дорогие друзья!

Поздравляем вас с наступающими новогодними каникулами!
В эти предпраздничные дни мы хотели бы поговорить с вами о невесёлом: этот выпуск Вестника посвящён школьной травле.

Читайте в номере:

- Буллинг в 57-й школе: Четыре истории
- Разговор с руководителем психологической службы школы Юрием Лапшиным
- Школьная травля: короткое обозрение

Четыре истории про травлю

Александра Кувшинова поговорила для Вестника с четырьмя недавними выпускниками, которые попадали в ситуацию школьной травли, — как со стороны преследуемых, так и со стороны преследователей.

«Доверить свои обиды и грусть было некому»

выпуск 200*

Когда я учился в школе, мы много шутили, и далеко не всегда эти шутки были смешными для всех. Если объекту шуток становилось грустно от этих шуток, то зачастую переходили на высмеивание, передразнивание и открытые оскорбления.

В нашем классе было 3 человека, которые не смущались морально давить до последнего, даже в присутствии учителей, даже на уроках. Учителя как будто игнорировали эти нападки — иногда были, конечно, пресечения, но они были из разряда «Давайте не будем мешать мне вести урок». Учителя не были нашими защитниками, может, я просто не запомнил, что было иначе.

Многие стояли перед выбором — донести или продолжать терпеть. Сказать, что тебя унижают, было стыдно. Доверить свои обиды и грусть было некому. Наш учитель по *** не справлялся со своим гневом, он мог пойти на очень обидные унижения, чтобы восстановить тишину в классе. Помню неочевидный на тот момент для меня эпизод, когда одного из регулярных обидчиков учитель втоптал в грязь, приплёл его семью. Тогда я ненадолго обрадовался, мол прилетело ему наконец, может почувствует, как это — терпеть унижения в состоянии полного бессилия и безнадежности. Была радость, что он заткнулся, учитель выиграл время, которое тот мог бы потратить на травлю. Но на самом деле он затравил еще одного человека, легитимизировал травлю.

Атмосфера была такая, что встать на свою или чью-то защиту могло привести к опале со стороны учителей (если критиковать их методы или доносить на «своих»), либо к большей травле со стороны обидчиков. Когда кто-то из одноклассников набрался смелости встать на защиту своей одноклассницы, ему разбили нос.

«Учительница издевательски спрашивала, не хочу ли я позвать папу на помощь»

выпуск 201*

Меня травили в школе с 1-го по 11-й класс. Первые 8 классов это была группа мальчиков из моего класса, которые били и унижали меня и других в физкультурных раздевалках и заставляли им «прислуживать» в школе. Они брали мои вещи, прятали и ломали их. Их было трое, и обычно они наваливались все сразу (на одного). Один раз меня ударили железным стулом. Классный руководитель не мог не знать о такой обстановке в классе, но никогда не вмешивался. Травили и учителя: учительница *** всегда издевалась надо мной во время занятий. Однажды она меня пнула. Мой отец ходил с ней разбираться; она все отрицала и извинилась лишь вынужденно. После этого она всё время мне это припоминала и при любой моей неудаче издевательски спрашивала, не хочу ли я позвать папу на помощь. Учитель **** все время говорил, что в 57-й школе мне не место — у меня было плохо с его предметом. Когда я поступил в *** класс, он сказал мне, что я превратил этот класс в «сливной бачок унитаза». Даже после моего поступления, когда у меня уже был другой преподаватель, он ходил к моей новой учительнице и говорил, что я ничего не знаю и мне нельзя верить.

«Я считаю, что эмпатия и хорошо выстроенная коммуникация победят»
выпуск 201*

Сейчас, когда я думаю о том эпизоде травли, который был у нас в классе, мне не кажется, что стороны было три — тот, кого травят, те, кто травят и те, кто стоят в стороне и наблюдают. Мне кажется, что тогда класс разделился пополам: одна девочка и все остальные.

Это было в моём 10-м классе, у одной одноклассницы были проблемы со здоровьем и она практически не ходила в школу. Я, да и никто, кажется, толком не знал, что с ней, но никто и не интересовался. Сейчас мне странно, что никто из нас не писал ей и не спрашивал, как она себя чувствует, почему не приходит, не нужна ли ей помощь. А тогда она приходила раз в несколько месяцев, у неё случалась истерика — как мне тогда казалось, на пустом месте — и уходила. Она была в общей беседе и что-то писала, и мне тогда казалось, что, если бы ей нужна была помощь, она бы как-то до всех донесла, что ей плохо. У меня, видимо, было убеждение, что если человеку плохо, то он об этом кричит и просит помощи, а если не кричит, значит, не плохо, не достаточно, можно пройти мимо. Я не помню, чтобы её кто-то специально травил, все скорее делали вид, что не существует ни её, ни её проблем. Я помню, что она в одной из поездок пришла, рыдая, в нашу комнату — и не помню, утешал ли её кто-нибудь. Мне кажется, что я вообще вышла. А потом мы проходили «Грозу» А. Н. Островского, и это стало тем эпизодом, который я теперь вспоминаю, думая о травле в нашем классе. Всё происходило в беседе, так что я теперь даже смогла всё найти и перечитать. Мы обсуждали домашнее задание по литературе и эта девочка написала, что «Гроза» — это гениальное произведение и что она настолько чувствует себя Катериной, что ей страшно. Мой одноклассник ей ответил, что с моралью у Катерины будет получше.

После этого всё и началось, это был самый запомнившийся мне за три года учебы спор. Сейчас я, перечитав, поняла, что спора не было, это была травля. Мы (и не только мы, но во многом всё-таки мы) заставили девочку кричать и защищать себя так, как она не делала ни до, ни после на моей памяти. Она пожелала написавшему о её морали мальчику изнасилования. Никто из нас этого мальчика за его слова не осудил, зато все написали ей, что она перегнула палку. Да, это, наверное, единственное, что я и сейчас бы сказала из всего того диалога — я считаю, что нельзя желать человеку изнасилования — но мы сказали не теми фразами и не в то время. Мы не помогли ей, мы стали нападать, просто с другой стороны. Кто-то жаловался, что она всегда к месту и не к месту рассказывает о своих проблемах, писал, что «если проблема серьёзна, есть менты и горячие линии помощи». Кто-то писал, что пытался ей помочь, но она отказалась. Кто-то смеялся над тем, что она сама не понимает, что у неё проблемы. Если кто-то и написал ей слова поддержки, то в личные сообщения. В общей беседе все её — за разное — но осуждали. Или игнорировали. Я сейчас не знаю, что лучше, но существенным мне кажется, что никто не дал ей ощущение, что она не одна или что она хотя бы может не защищаться.

Не до конца понимаю, как, но история дошла до классной руководительницы. У нас было большое собрание на целый урок, и единственное, что я помню из него сейчас, — это то, что она сказала, что пройдёт время, и нам будет стыдно. Прошло три года. Я больше узнала про травлю, по-другому стала относиться к людям, которым плохо, больше не считаю, что если у них действительно проблемы, то они кричат, а если не кричат, то и нет проблемы. И да, мне стыдно. Я дружу с этой девочкой, мы обсуждали с ней этот эпизод, я извинилась. Она извинилась за то, как вела себя тогда, объяснила, что с ней происходило, и мы друг друга поняли. Если у этой истории должна быть мораль, то вот она: я считаю, что эмпатия и хорошо выстроенная коммуникация победят.

«Я унесла из школы просто мешок неприятных воспитаний»

выпуск 201*

Мои одноклассницы думали, что травля — это когда зажимают в угол и систематически бьют. А на самом деле практически вся наша форма общения, включая дружескую, очень задевала.

Когда в 4-м классе пришёл новый мальчик, он странно себя вел, все указывали на то, что он себя ведет не так, как нам нравится. В этом участвовал весь класс, включая меня, продолжалось это до 7-го класса. Что бы он ни говорил — мы все комментировали, всячески унижали его. Учителя тогда говорили ему, что он себя сам так ведёт и провоцирует. Он занимался бизнесом — покупал по дороге в школу еду в ларьке и пытался нам её перепродавать. Либо все поумнели, либо у нас появилась учительница, которая это всё пресекала. Потом у него появилось 1-2 друга, вроде, его все оставили в покое, но мы, например, вообще с ним не здоровались.

У меня были очень сложные отношения с мальчиками в классе, видимо, я их всех очень раздражала. Как-то в 7-м классе я стояла и разговаривала с одноклассником, я была в платье, это была весна, май. Другой мальчик подошел сзади и сфотографировал мои трусы, после этого они собрались и начали угарать. Я подошла к нему, и мы начали драться, в итоге я заставила удалить эту фотографию. Еще у мальчиков была тема запереть девочку в мужском сортире.

Мне кажется, со временем буллинг приобретает другие формы, если в начальных классах могут травить за брекеты, за фигуру, то потом это видоизменяется и становится постоянной насмешкой над человеком. В 9-м классе я дружила с ***, я с ним училась с 1-го класса. Он был крупный, а кто-то мог сказать, что он толстый, и он обижался. Есть внешние факторы, к которым цепляются, — брекеты, очки, а бывает, что цепляются вообще к другим вещам. Любимое занятие в гумкласссах — отмечать странность математиков, но их никто не трогает, с ними просто предпочитают не общаться.

Помимо случаев, связанных с общением со сверстниками на разных этапах школьного образования, мне кажется не менее важным и то, как вели себя учителя. У меня есть очень характерный пример учительницы, которая относилась к девочкам хуже, чем к мальчикам, отпускала сексистские и просто унижительные комментарии даже после нашего выпуска из школы, хотя последние годы я и моя подруга учились не у неё, а в *** классе. Это было очень мерзко, и я не понимала, чем мы заслужили к себе такое отношение. Она была хорошим учителем и, видимо, поэтому её коллеги прощали ей такого рода «странности».

Мне кажется, что в 57-й до недавних пор вообще отсутствовала рефлексия над собственно «внеурочной» жизнью школы. Я помню, что нас хорошо учили, но не создавали комфортных в эмоциональном плане условий для этого. Я унесла из школы просто мешок неприятных воспитаний, связанных с социализацией и опытом общения с некоторыми преподавателями, которые иногда позволяли себе лишнее и не думали, что и как они говорили детям. Очень хотелось бы, чтобы уровень осознанности у всех, включая выпускников, наконец-таки стал повышаться.

Разговор с психологом

Юрий Лапшин — руководитель психологической службы, сформированной в школе в прошлом году. В службе работает шесть психологов, по два на каждое здание. О школьной травле с Юрием говорил Владимир Понизовский.

Часто ли психологическая служба 57-й школы работает с буллингом?

Это уже третья школа, где я работаю школьным психологом. Я не могу сказать, что в пятьдесят седьмой буллинга необычно много — в каждой школе периодически возникает травля, и с этим нужно иметь дело. Буллинг вообще свойствен человеческим сообществам: кого-то невзлюбили, кого-то очень удобно не любить — он какой-нибудь странненький или пришел позже всех. Вот недавно было собрание, и несколько случаев буллинга, который либо уже происходит, либо может начинаться, даже со мной лично обсудили несколько родителей и несколько учителей.

Есть классы, в которых можно ожидать появление буллинга в силу особенностей их формирования. Например, восьмые общеобразовательные классы, из которых часть детей ушли, поступив в спецклассы, к оставшимся добавились дети из другого здания, или других школ. И наступает такой динамический момент: люди пытаются утвердиться, идет перераскладка сил. Получается по-разному. Либо все начинают друг перед другом, грубо говоря, выдвигаться — кто круче себя ведет на уроке, кто больше хохмит — либо кто-то становится мишенью, и напряжение сбрасывается на него. Такое тоже бывает.

В таких случаях динамика, которая есть, неуправляемая, взрослый с ней не в контакте, и она вызывает у нас опасения. И здесь наша задача — добиться регулярного времени для работы с классом. И если времени не находится — из-за плотного учебного расписания, например — то такие классы становятся проблемой для школы.

Во всех историях, которые нам рассказали, бывшие ученики вспоминают своих учителей. Какую роль играют учителя в буллинге?

На мой взгляд, буллинг в школе практически всегда связан как минимум с недоработкой со стороны взрослых. В самом мягком случае это может быть недостаточно внимательное отношение к тому, как складываются взаимоотношения детей. В российской системе образования, в отличие от западной, делается ставка на неизменный состав класса, такой микросоциум, в котором человек живет, растет и развивается. И к этому классу привязан классный руководитель, который ведет его все эти годы. Но учителя, в нашей школе особенно, работают с большой учебной нагрузкой, большим количеством часов. Часто им не хватает времени на то, чтобы достаточно много взаимодействовать со своим классом именно в роли классного руководителя. Это вопрос планирования. И психологическая служба вместе с администрацией школы сейчас приходит к выводу, что нужно планировать наше включение в классную жизнь, чтобы у психологов была возможность регулярно работать с классами.

Вторая вещь — учителя тоже люди, у них складываются какие-то свои отношения с другими людьми. И учителя вполне могут неосознанно делать свой вклад в то, как дети относятся друг к другу.

В нашей школе есть такая традиционная позиция учителя как харизматического лидера. Очень много учителей, которые ярко говорят, ярко себя проявляют. Иногда это может зашкаливать, но это воспринимается как часть личности учителя, его харизмы — типа, продолжение его достоинств. Бывает так, что детям непросто с особенностями личности того или другого учителя, на которые, как тот считает, он вполне имеет право. Иногда часть этих особенностей может быть травматична для некоторых детей.

Да, иногда поведение наших учителей наносит некоторым детям какой-то вред, хотим мы этого или не хотим. Если, например, учитель шутит над ребенком, если в отношении кого-то это происходит раз за разом, то для аудитории

ребенок становится объектом для насмешек. Или если учитель выражает своё негативное отношение: «Вот опять вот ты, вот он всегда такой» — это ведь не только в нашей школе. Учителя выражают своё отношение к детям, и им, как и вообще людям, сложно разделять человека и поведение. Непросто научиться говорить о негативном отношении к тому, что человек прямо сейчас делает или сделал, сохраняя при этом уважение к самому человеку. Особенно если ребенок раз за разом делает что-то, что нас, взрослых, бесит. И это добавляет грузик, усиливает вероятность буллинга, есть такая штука.

В общем, мы не можем сказать, что травля идёт мимо нас, взрослых, а мы ничего об этом не знаем. Тогда надо добавить — «и знать не хотим». Потому что если мы хотим об этом знать, то мы начинаем это замечать, а если мы начинаем это замечать, то мы не можем позволить себе это игнорировать. Мы должны обратить внимание детей на то, что мы понимаем, что происходит, и что нам это не нравится. Иначе, по умолчанию, мы с этим согласны.

Откуда психологи узнают о травле в школе?

Главная идея в том, что психологи, чтобы быть максимально полезными, должны быть максимально близки к людям, с которыми они работают, — в школе это дети, учителя, и родители. Все эти люди очень сильно заняты, и нельзя ждать, что они сами возьмут и пойдут к психологу, которого они не видят каждый день рядом с собой, который не занят с ними общими делами, не общается с ними обо всем, о чём только можно.

Задача психологов — много наблюдать, участвовать в процессах, причём не только на уроках — на переменах, тусить в коридорах: «О, привет-привет, ты сменил причёску, ты уволил своего имиджмейкера? — что-нибудь такое сказать, — как дела?» Хорошо, если ты что-то помнишь про ребёнка и можешь с ним этим обменяться. В общем, задача в том, чтобы быть для него доступным.

То же самое с учителями, с родителями. Понятно, что родители меньше в школе находятся, но на первых родительских собраниях мы обязательно проходим по всем классам, рассказываем про то, кто мы такие, о смысле нашей работы, о том, что у нас есть конфиденциальность. И на все последующие родительские собрания мы ходим, общаемся, стараемся, чтобы нас было легко найти. Специально для развития контакта с родителями ведём ежемесячный родительский клуб, пишем в школьную родительскую группу фейсбука.

Поскольку наша ноль первая задача — это развивать контакт со всеми, о травле можно узнать из разных источников. Допустим, я провожу в каком-то классе тренинг, и там надо, чтобы все встали в круг и взяли за руки. И вдруг одна девочка говорит: «А я не буду с ним за руку держаться». Если психологи наблюдают, они что-то такое могут заметить.

Иногда учителя говорят: «Слушайте, вы посмотрите, пожалуйста, чего-то этот вот в этом классе, что-то мне не нравится». Или даже просто есть истории, которые известны, которые тянутся давно.

Если мы хоть немного понятны родителям — а мы стараемся с самого начала быть понятны, ну, по крайней мере известны — то о каких-то вещах родители говорят. Чаще всего о буллинге узнаешь все-таки от родителей. Если ребёнок с кем-то и может поделиться, то обычно это родители, ну хотя бы в виде «Я не хочу больше идти в эту школу». И тогда родители приходят к учителю или к нам.

И что психологи могут сделать, узнав о травле?

Задача состоит в том, чтобы обсуждать с людьми происходящее, обсуждать с людьми жизнь. Чтобы с тем же учителем обсуждать то, как проходят уроки, что учитель заметил. Я вспоминаю случай в прошлом году в одном из классов, я только-только пришел в школу. Мальчик сидит один, и учитель говорит девочке: «Ну что ты сидишь так далеко, пересядь сюда, здесь есть место». Она говорит: «К нему? Нет, конечно!» — и урок идёт дальше. И этого вроде бы никто не заметил, это не вызвало эффекта разорвавшейся бомбы: «Ах, что она сказала?» — «Что ты сказала?» — «Почему ты не хочешь?» — никто ничего такого не

сказал. Но я же это вижу, значит, что я должен сделать? Я должен это обсудить, для начала с учителем: «Слушайте, а вот сегодня такая вот вещь была во время урока, вы это помните?». Тоже могут быть разные ответы, учитель мог этого не заметить или вытеснить. Или как было: «Ну, это вот с ним обычная история такая». «Да? А что это такое? А как давно это?». И дальше нужно об этом говорить с этим взрослым и с другими — это ведь просто учитель-предметник, который их видит раз в неделю, он не их классный руководитель. Если ты такое заметил, то ты должен говорить об этом с классным руководителем. Ты можешь об этом поговорить с разными детьми. «Слушай, а ты вот отказалась с ним сидеть, а это что-то значит? У вас какие-то плохие отношения?». Ты начинаешь втискиваться в этот зазор, привлекать внимание к тому, что происходит, и потихоньку расшатывать ситуацию, которая сложилась. Потому что ситуация травли всегда связана с довольно активным невниманием к ней. К замкнутости её.

Конечно, первое, что надо делать, — это разговаривать, делать проблему гласной. Говорить, что мы понимаем, что происходит, и что мы относимся к этому плохо. Очень важная вещь, чтобы люди, которые впрямую не участвуют, поняли, что они тоже участвуют. Что молчаливое присутствие — это тоже участие. Возвращать ответственность. Есть ещё разные подходы, техники. Вот в одной из ситуаций моя коллега использовала такую технику, как «команда поддержки», когда формируется команда людей в классе, которые готовы этому человеку помогать. Причем в неё могут входить люди из разных кругов — как те, кто изначально к нему хорошо относится, но боится об этом говорить, те, кто относится нейтрально, так и те, кто как бы вроде бы поддерживает травлю. Может быть, не вполне осознанно, или готовы начать что-то менять, когда об этом уже заговорили вслух. Это позволяет снять стигму и с этих людей тоже — вот, они занимаются изменением ситуации.

Очень важно включить учителя в борьбу с травлей в классе. Нельзя просто прийти в класс и сказать — «окей, мы начинаем разговор». Важно, чтобы взрослые были вместе в этом. И когда классный руководитель говорит: «Ребята, это ужасно, я не хочу, чтобы у нас так было, я к этому отношусь очень плохо. А вы как?», когда каждый начинает задумываться о себе, о своей роли, то есть шанс, что по крайней мере ситуация не останется той же. Что когда на очередной перемене кто-то испачкает вещи или спрячет портфель, то слишком много людей будут помнить о том, что мы уже об этом говорили.

Школьная травля — обзор литературы

Обзор научной литературы подготовила социальный психолог, аспирант Бременского Университета и Университета Якобса Лусине Григорян.

Самое популярное формальное определение травли (буллинга) принадлежит Д. Ольвеусу; он определяет травлю как «систематическое, целенаправленное агрессивное поведение индивида или группы при условии неравенства участников по силе, власти или статусу». Важно, что травлей является не только прямая агрессия (бить, дразнить, отбирать вещи), но и косвенная (распространять сплетни, игнорировать, бойкотировать). Чаще всего травле подвергаются дети, которые изначально в более уязвимой позиции: дети из бедных семей, этнические меньшинства, и те, у кого низкая успеваемость. Распространённость школьной травли в разных странах сложно оценить по нескольким причинам. Во-первых, дети очень редко о ней рассказывают, а во-вторых, если спрашивать о травле без детализации, то в разных странах люди будут относить (и не относить) к травле очень разные поступки. Например, если ориентироваться на результаты международного опроса PISA, то в России примерно 27% школьников сталкивались с травлей (что выше большинства стран OECD). А в недавнем опросе российских школьников, организованном Институтом Образования НИУ ВШЭ, где отдельно задавались вопросы о физической, вербальной, социальной агрессии и кибербуллинге, выяснилось, что около 70% школьников за последний месяц сталкивались хотя бы с одним из этих

видов травли.

Травля имеет негативные последствия как для инициаторов, так и для жертв. И преследователи, и жертвы испытывают больше проблем в учёбе по сравнению с остальными. В этом случае направление связи не так очевидно, так как и преследователями, и жертвами чаще становятся дети, у которых изначально есть трудности в учёбе. Относительно других коррелятов травли есть более однозначные результаты, показывающие, что травля является именно причиной, а не последствием. Инициаторы травли чаще проявляют так называемую стратегию экстернализации проблем во взрослом возрасте: чаще прибегают к агрессивному и антисоциальному поведению и чаще употребляют наркотики. Те, кто был и в роли преследователя, и в роли жертвы, имеют те же тенденции, но в дополнение к ним чаще сталкиваются с ментальными заболеваниями во взрослом возрасте. Жертвы травли хуже приспосабливаются к школе, могут испытывать трудности со сном, тревожность и суицидальные мысли, а также чаще испытывают проблемы со здоровьем (например, головные и желудочные боли). Во взрослой жизни жертвы травли чаще сталкиваются с тревожными и депрессивными расстройствами.

В России нет систематизированных государственных программ по предотвращению травли, хотя международный опыт показывает, что такие программы эффективны. Систематический анализ оценки эффективности таких программ в разных странах, проведенный М. Ттофи и Д. Фаррингтон, даёт наиболее полную на данный момент оценку того, какие именно меры эффективны, а какие нет. Например, результаты этого анализа показывают, что индивидуальная работа с самими школьниками (как с преследователями, так и с жертвами) даёт скорее негативные, чем положительные результаты. Наиболее эффективны те программы, которые фокусируются на изменении климата в целом во всей школе. Такие программы включают в себя тренинги учителей, работу с родителями (информирование и совместные встречи родителей, учителей и экспертов), а также ясные и согласованные правила поведения для школьников с контролем со стороны учителей. Программы, которые длятся дольше и с большей интенсивностью, эффективнее коротких и менее насыщенных. Для работы со школьниками положительные эффекты имеют использование видео-материалов и дисциплинарные меры. Главный вывод этого анализа состоит в том, что работать нужно не с отдельными «проблемными» детьми, а со школьной средой в целом, включая, в первую очередь, взрослых.

Рекомендуемая литература:

Ttofi, M.M., Farrington, D.P. (2011). Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: a systematic and meta-analytic review. Journal of Experimental Criminology, 7(1), 27-56.

Zych, I., Farrington, D.P., Llorent, V.J., Ttofi, M. (2017). Protecting Children Against Bullying and Its Consequences. Springer Briefs in Psychology.

Бочавер А.А. (2014) Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей. Психологическая наука и образование, 1, 47-55.

Бочавер А.А., Хломов К.Д. (2013). Буллинг как объект исследования и культурный феномен. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 10(3), 149-159.

Новикова М.А., Реан А.А. (в печати, 2019). Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования. Вопросы образования.

Хорошие новости:

Сборная команда 57-й и 179-й школ стала [абсолютным победителем](#) финала командной олимпиады школьников по программированию.

Рафаил Гордин, легендарный преподаватель 57-й, отметил свой [семидесятилетний юбилей](#).

Пётр Митричев ([2002Д](#)) в четвёртый раз выиграл соревнование по программированию [Topcoder Open](#).

Александр Львовский ([1989В](#)) стал с этого сентября [профессором Оксфорда](#).

Дильшат Харман ([1995Г](#)) стала [лауреатом премии «Просветитель»](#) с книгой «Страдающее средневековье». Алексей Савватеев ([1990В](#)) с книгой «Математика для гуманитариев» был отмечен призом народного голосования информационного партнера премии, научно-популярного издания N+1.

Андрей Панов ([1991Б](#)) занял пост [заместителя генерального директора «Аэрофлота»](#) по стратегии и альянсам.

Директор школы Михаил Случ ([1980Б](#)) и завуч Ирина Хованская ([1989В](#)) опубликовали редакторские колонки к пятидесятилетию матклассов о школе в [РБК](#) и [Ведомостях](#).

Спасибо, друзья! И до встречи в новых выпусках рассылки!

Над выпуском работали Лусине Григорян, Владимир Кондратьев, Александра Кувшинова и Владимир Понизовский

Ссылки:

[Сайт Alumni57](#)

[fb: Alumni57](#)

Связаться с нами:

Email: alumni57.ru@gmail.com

[Отписаться](#)